

ОТЗЫВ

**об автореферате диссертации Елены Геннадиевны Трубецковой
«Морбуальный код русской литературы XX – XXI вв.»,
представленной на соискание ученой степени доктора
филологических наук
по специальности 10.01.01 - Русская литература**

Работа Е.Г. Трубецковой представляет собой редчайший пример успешного соединения методологических проектов литературоведения, культурологии, философии, психологии, биоэтики. Успех оказался возможен благодаря свободе и гибкости мышления автора и благодаря проведенному в работе фундаментальному системному интегрированному анализу разных аспектов морбуальности в русской литературе XX – XXI вв.

В первой главе дается научное обоснование необходимости введения обобщающего термина, охватывающего разные уровни, связанные с репрезентацией болезни в художественных текстах. Предлагается определение термина «морбуальный код», выработанное на основе семиотического и лингвокультурологического подходов. Выявляются и описываются основные единицы морбуального кода, их функции и связь их концептуализации с изменением философского, идеологического, социального, культурного контекста и медицинской парадигмы.

Во второй и третьей главах исследуются основные оппозиции, определяющие концептосферу морбуального кода: «врач – пациент», «здоровье – болезнь», «жизнь – смерть». Во второй главе прослеживается репрезентация образа врача в языке, повседневной культуре, живописи и его концептуализация в литературе. В результате анализа обширного материала (более 100 художественных текстов) создана типология образов врачей и отношения к ним в зависимости от изменения научных, идеологических, социальных и философских кодов. Выявлены характерные особенности изображения врача в русской литературе XX в.: его образ «вписан» в политический контекст эпохи. Выделены и исследованы актуальные проблемы взаимоотношения медицины и власти - компромисса/конфликта с нею, проблемы этической ответственности и сохранения свободы личности в условиях тоталитарного государства. Образ врача в литературе XX - XXI в. осмысливается в контексте экзистенциальной проблематики, пограничных ситуаций и «последних вопросов».

В третьей главе болезнь рассматривается как единица культурного кода. Исследуется лексическая разработанность концепта болезни в русской языковой картине мира. Прослеживается историчность и конвенциональность концептуализации болезни в культуре, ее зависимость от религиозных, философских представлений и социальных факторов. Рассматривается эволюция осмысления болезней - «нивелирующих» и «индивидуализирующих» (по классификации С. Сонтаг) – в литературе и живописи. Выделяются «знаковые» болезни как символы той или иной эпохи. В параграфе 3.3. «Болезнь как метафора» проводится си-

стемный анализ морбуальных метафор в произведениях русской литературы XX в. как проекций морбуальности на общественные процессы. Выделяются отдельные метафоры (очистительной жертвы, связанной с кровавым дискурсом революционной эпохи; офтальмологическая метафора классовой близорукости и идеологической слепоты) и развернутые метафорические проекции болезни на социальные и политические процессы (метафора опухоли ГУЛАГа в «Раковом корпусе»). Анализ позволяет говорить о типичности осмысления социальных и политических событий, нравственных пороков в рамках морбуального дискурса. В параграфе 3.4. исследуются функции болезни (характерологическая функция, этап самопознания героя, его экзистенциальный опыт) и ее роль в сюжетостроении (болезнь как завязка развития действия; важнейший переломный момент в судьбе героя). Болезнь традиционно - сюжетообразующий фактор. Завершает главу интереснейшее исследование морбуального хронотопа.

В четвертой главе «Болезнь как прием остранения» проводится исследование доминирующей функции морбуального кода в искусстве XX в. - способность болезни изменять призму видения (где «видение» - это и «восприятие, система мнений» и синоним «зрения»). Мотив деформации зрения и видения прослеживается на примерах из экспериментальной прозы Набокова и Ремизова: Е. Г. Трубецкова выделяет два варианта осмысления этого мотива: физическая близорукость становится метафорой этической и эстетической слепоты героев Набокова в его русскоязычной прозе – и, напротив, сильная близорукость, позволяет видеть недоступное профанному взгляду, является критерием творческого дара героя Ремизова. На примерах анализа новелл Кржижановского выявляются сюжетогенные возможности мотива деформации зрения – благодаря чему создается фантастически трансформированная реальность.

Особое внимание автор уделяет осмыслению проблемы безумия в искусстве модернизма и авангарда рубежа веков: его поэтизации, романтизации «деромантизации» и использованию в качестве «приема» смещения визуального ракурса, создания эффекта остранения и «метода» познания мира и человека.

Проведенный Е. Г. Трубецковой анализ позволяет говорить о морбуальном коде как «ключе» к раскрытию индивидуально-авторской картины мира и, в то же время, включает морбуальный код в ряд культурных универсалий, дающих возможность «увидеть сверхтекстовые единства, обусловленные философскими, научными, политическими контекстами того или иного исторического периода».

После прочтения автореферата возникает частный вопрос:

В главе параграфе 4.3. Е. Г. Трубецкова отмечает трансформацию мотива близорукости в творчестве Набокова.

В его русскоязычной прозе близорукость персонажа – метафора духовной/эстетической слепоты (таковы сатирически изображенные Чернышевский «с глазами как у крота» в романе «Дар», Христофор Мортус с «неизлечимой болезнью глаз», посредственный литератор Ширин в больших очках-«аквариумах»).

В англоязычной прозе Набокова корреляция «близорукость» - духовная/эстетическая слепота отрицательного персонажа – не наблюдается [С. 33].

В чем причина трансформации мотива близорукости? Иронично отмечен факт биографии, но он не признан в качестве аргумента: «в 45 лет Набоков сам стал носить очки».

Вопрос остается. Не находит ли автор, что несмотря на скептическое отношение к большей части советской литературы, Набоков использовал популярную в морбуальном дискурсе советской литературы метафору: близорукость – классовая слепота и идеологическая «незрячесть»?

Либо метафора «близорукость – духовная/эстетическая, классовая/идеологическая слепота» использовалась в конце 1920-х - 1930-е гг. параллельно в литературе эмиграции и советской митрополии?

Либо это аллюзия на публицистические, пропагандистские и литературные советские тексты? Тогда презентация мотива близорукости в русскоязычной прозе связана с адресатом – русским читателем Набокова, который был знаком с морбуальным дискурсом советской литературы и публицистики, «считывал» аллюзии и был готов к интертекстуальной игре. В отличие от читателя англоязычного. Может ли быть, что поэтому Набоков отказался от этой довольно прямолинейной метафоры в англоязычной прозе?

Автореферат в совокупности с опубликованными статьями и монографией позволяет однозначно утверждать, что диссертация является оригинальным многоаспектным исследованием, посвященным актуальной научной проблеме.

Работа Е. Г. Трубецковой на тему «Морбуальный код русской литературы XX – XXI вв.» соответствует п. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении учёных степеней» в редакции Постановления Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842, с изменениями Постановления Правительства РФ от 11.09.2021 г. № 1539, а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Доктор филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература, доцент, профессор кафедры книгоиздания и книжной торговли, Высшей школы печати и медиаиндустрии Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (ФГБОУ ВШПМ СПбГУПТД)

Телефон +79119174051

E-mail: da_olga@mail.ru

10.08.2022.

Подпись О. А. Дмитриенко удостоверяю

01.09.2022

Ольга Александровна Дмитриенко

Директор ВШПМ
СПбГУПТД Лезунова Н. Б.

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.
О.А. Дмитриенко